

Иннокентій [Пустынский], иером. Дары земные небесному жителю:
[Слово в день памяти преп. Сергія 25 сентября] // Богословский
вестник 1897. Т. 4. № 11. С. 169–176 (2-я пагин.).

ДАРЫ ЗЕМНЫЕ НЕБЕСНОМУ ЖИТЕЛЮ ¹⁾.

*Преподобне отче Сергіе
моли Бога о насъ.*

Когда люди приходятъ къ земному владыкѣ, отъ воли котораго зависитъ ихъ счастье и даже иногда самая жизнь, тогда что дѣлають?—тогда они обращаются къ друзьямъ и приближеннымъ лицамъ его и у нихъ ищутъ помощи расположить владыку въ свою пользу, что-бы онъ не прогнѣвался на нихъ, но помиловаль и ущедриль ихъ. Такъ дѣлають люди, когда просятъ кого-либо о своихъ нуждахъ, когда стремятся получить доступъ въ дома сильныхъ міра сего, или отъ судьи ожидаютъ рѣшенія своего дѣла, — и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда не надѣются достигнуть успѣха своими силами. Подобно сему поступаютъ и всѣ христіане, когда приносятъ Господу Богу нужды свои, или когда страшатся суда Его, или стремятся достигнуть обителей небесныхъ. Такъ поступаемъ и мы, возлюбленные отцы и братіе, въ настоящемъ случаѣ, когда просимъ ходатайства за насъ предъ Господомъ и взываемъ къ почивающему среди насъ великому угоднику и другу Божію: *Преподобне отче Сергіе моли Бога о насъ!*“

Но чѣмъ пріобрѣтается предстательство и помощь вельможъ земного властелина?—Сіе достигается дарами и жертвами со стороны просителей, которые къ этому присоединяють низкіе поклоны, усердныя просьбы, похвальныя рѣчи

¹⁾ Слово, сказанное въ Покровской церкви Московск. Дух. Академіи въ день памяти преподобнаго Сергія, Радонежскаго Чудотворца, 25 сентября 1897 г.

и т. п.: но въ тоже время и сами они употребляютъ всё усилія свои для достиженія желаемой цѣли. Такъ бываетъ въ дѣлахъ житейскихъ, обыденныхъ, — гдѣ нерѣдко „мзда и дарове ослѣпляютъ очи премудрыхъ“, а „угодяи вельможамъ умилостивляются о неправдѣ своей“ (Сир. XX, 28—29). Ясно, что тѣмъ болѣе нимѣ мы должны совершать какое-то доброе дѣло, которое подвигло бы угодника Божія „молить Бога о насъ“, т. е. предстательствовать у престола Всевышняго Владыки.

Скажи же намъ, угодникъ Божій, какими дарами почитимъ тебя? Какія блага цѣнишь ты? Какія жертвы пріятны тебѣ?—Хочешь-ли, мы принесемъ къ ногамъ твоимъ золото наше, изъ серебра устроимъ покровъ надъ тобою, жемчугомъ и камнями дорогими украсимъ твой образъ?—Нѣтъ, говоритъ преподобный, —нѣтъ, отъ юности не былъ златоносецъ, —отъ юности... а въ старости тѣмъ паче желаю въ нищетѣ пребывать“, —такъ отвѣтствовалъ онъ святителю Алексію, отказываясь отъ золотого наперснаго креста („Житіе препод. Сергія“ — архим. Никона, стр. 151).— Въ старости..., однако это было на землѣ, — но и тогда онъ не собиралъ себѣ сокровищъ, ибо всегда помнилъ, что здѣсь ихъ *тля тлитъ и татіе подкапываютъ и крадутъ* (Мѡ. VI, 19); онъ зналъ, что вещественное достояніе земное быстро преходитъ: и одежды изнашиваются, и золото ржавѣетъ, и всякое другое вещественное благо истребляется временемъ и пропадаетъ. Это мы—люди цѣнимъ выше всего наше золото, наши деньги,—а онъ старался лишь о томъ, чтобы собрать себѣ сокровище небесное, которое *ни червь, ни тля тлитъ, ни татіе ни подкапываютъ ни крадутъ* (Мѡ. VI, 20). „Впрочемъ, принеси, говоритъ преподобный, —принеси и дай мнѣ золото твое, ибо это будетъ всетаки лучше, чѣмъ если ты употребишь его на злое дѣло. Дай мнѣ золото твое, а я дамъ пріютъ безпріютному, уюкою странника, накормлю голоднаго, воспитаю сироту, подниму падшаго; твоимъ золотомъ я покрою верхи моихъ обителей, твоимъ серебромъ и жемчугомъ я украшу мои храмы, уставлю въ нихъ лики иноковъ и хоры пѣнословцевъ, я покажу иноплеменикамъ благолѣпіе богослуженія православнаго, я привлеку невѣрныхъ къ Богу христіанскому, какъ древняя Византія привлекла къ себѣ тво-

ихъ предковъ, —славяиъ; я зарону любовь къ отечеству нашему въ сердца иностранцевъ, толпами приходящихъ сюда; наконецъ, если потребуется, твое золото я отдамъ на пользу общую въ тяжелую годину гнѣва Божія, какъ многократно дѣлала это обитель моя въ былое время. Мало того, я воспитаю духовныхъ мужей, которые по лицу земли нашей построятъ новыя обители и разнесутъ—распространятъ повсюду завѣты мои. Помнишь-ли древніе дни, когда я воспиталъ Микхея, Никона, Павла Обнорскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Савву Звенигородскаго, Андроника, Епифанія и многихъ другихъ; посмотри и выиѣ вокругъ меня и ты увидишь Виоапю, Геосиманскій скитъ и киновію, пустыню Параклита и т. д. Все это — дѣти мои, но безъ жертвъ добротныхъ они не явились бы въ этой пустынѣ, гдѣ прежде бродили лишь дикіе звѣри и не было живого человѣка. Поэтому дай мнѣ золото твое, и тогда говори: *Преподобне отче Сергіе моли Бога о насъ!*“

Но скажи намъ, угодникъ Божій, что еще принесемъ тебѣ? Желаешь-ли чтобы мы построили храмы въ честь имени твоего,—или чтобы памятниками увѣковѣчили славу твою?—„Нѣтъ, опять говорить онъ,—я для себя не ищу этого. Это вы-люди-думаете, будто памятниками и башнями можно сохранить имя свое на землѣ, а потому и желаете и цѣните ихъ. Это ты, человѣкъ, стараешься писать имя твое на страницахъ исторіи міра! Это ты, богатый, накладываешь камни на камни, сцѣпляешь ихъ желѣзомъ и украшаешь золотомъ пирамиды твои, чтобы спасти отъ червей плоть твою! Это ты, ученый, на пергаментѣ и папирусѣ чертишь титло твое, чтобы люди знали и помнили тебя! Это ты, воитель, сжигаешь города и убиваешь гражданъ, чтобы достать крови для написанія имени твоего въ памяти поколѣній грядущихъ!—Можетъ быть, на нѣсколько времени и сохранится такимъ образомъ имя твое; можетъ быть, вѣтеръ не такъ скоро развѣетъ прахъ твоего тѣла; можетъ быть, черви днемъ позже доберутся до тебя,—но помни, что все это погибнетъ: и дома сокрушатся, и каменіе распадутся, и памятники рухнутъ, и пирамиды рассыплются, и слова изгладятся... и только *добрыя дѣла* останутся и послѣдуютъ за нами. Гордый человѣкъ, имѣешь-ли ты такія дѣла, которыя могутъ доставить безсмертіе если

не тѣлу, то хотя бы имени твоему? А если для себя не имѣешь, то какимъ образомъ можешь сдѣлать безсмертнымъ меня, который и по тѣлу уже нетлѣнень, и для души имѣю храмину на небѣ нерукотворенную и вѣчную, и имя мое вписано на вѣки въ книгу жизни!— Впрочемъ, если хочешь, построй и храмъ, но знай, что это не для моеѣ утѣхи, а во славу Божию и для общей пользы и назиданія христіанъ: пусть они молятся въ немъ о себѣ и о создателяхъ храма того; и я преклоню слухъ мой и услышу ихъ, когда они будутъ взывать ко мнѣ: *Преподобне отче Сергіе моли Бога о насъ!*“

Но скажи намъ, угодникъ Божій, чѣмъ еще мы можемъ преклонить тебя на молитву за насъ грѣшныхъ? Позволишь-ли, чтобы мы составили пѣснопѣнія хвалебныя и въ нихъ ублажали тебя, или гимны благодарственные и въ нихъ прославляли тебя?— „Нѣтъ, — говоритъ онъ, — не нужно мнѣ прославленіе и славословіе ваше. Я и въ жизни земной избѣгалъ сего, — кольми паче теперь, когда я уже прославленъ не только отъ людей, но и отъ Господа. Приди въ обитель и ты увидишь, что люди день и ночь не покидаютъ гробницы моеѣ и неумолкаемо славословятъ, ублажаютъ и превозносятъ меня похвалами. Но для оцѣнки ихъ усердія, съ одной стороны, послушай мудреца древности, который говоритъ: *„не красна похвала во устѣхъ грѣшника, яко не отъ Господа послани бысть“* (Сирах. XV, 9); въ другой—припомни сказанное Господомъ: *„горе, егда добръ рекуть вамъ вси чловѣцы“* (Мук. VI, 26); Затѣмъ, открой писанія апостольскія и ты увидишь, что не на землѣ, но въ небесахъ *„соблюдается мнѣ вънецъ правды. его же воздастъ Господь Богъ рабу Своему въ день онъ, ибо я подвигомъ добрымъ подвижался, теченіе свершилъ, вѣру сохранилъ“*... (2 Тим. IV, 7—8); наконецъ, обрати вниманіе и на другое мѣсто и изъ устъ Самого Господа ты услышишь похвалу мою: *„добрый рабе и вѣрный... вниди въ радость Господа твоего“*... (Мат. XXV, 21). Вотъ какъ я смотрю на похвалу человѣческую и лицу ее не отъ людей, но отъ Бога. Бѣдные люди! чѣмъ похвалитесь, кромѣ помощью вашихъ, и что имѣю похвальнаго я, чего бы не получилъ отъ Бога? Если же все доброе отъ Бога, то за что хотите прославлять меня? Впро-

чемъ, послѣдую св. Апостолу, не запрещаю вамъ дѣлать это; ибо какъ онъ желалъ лучше умереть, чѣмъ лишиться добрыхъ отзывовъ человѣческихъ, чтобы не поставить тѣмъ препятствія благовѣстію Христову (1 Кор. IX, 15), такъ и я приѣмлю похвалы ваши въ надеждѣ, что чрезъ это вы сами будете лучше“. Угодникъ желаетъ сказать, что какъ смотрящій на солнце и прославляющій его не сдѣлаетъ солнца болѣе блестящимъ, но самъ просвѣтится отъ него, такъ и здѣсь: взирая на священные останки праведника и ублажая его, мы не сдѣлаемъ его болѣе славнымъ и даже не восхвалимъ въ такой степени, какъ онъ того достоинъ, но лишь такъ, какъ умѣемъ и можемъ,—тѣмъ не менѣе чрезъ прославленіе праведника мы прославимъ самого Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ, и получимъ дерзновеніе звать къ нему: *Преподобне отче Сергіе моли Бога о насъ!*

Но еще одно слово къ тебѣ, угодникъ Божій! Хочешь-ли, мы соберемъ тысячи людей и будемъ постоянно преклоняться предъ тобою, будемъ со слезами упрашивать и умолять тебя? „Но уже вся земля Русская, во главѣ съ Благочестивѣйшими Царями своими,—отвѣтствуетъ преподобный,—приходитъ сюда и покланяется; се и нынѣ Августѣйшій Сродникъ Царевъ съ Благовѣрной Супругой своей подвиглся отъ первопрестольной столицы Россійской, чтобы въ своемъ христоролюбивомъ сердцѣ принести сюда сердце пѣлой страны ¹⁾; се и маститый іерархъ, мнѣ соименный, водящій крѣпкою рукою стадо мое, потщился явить мнѣ любовь свою ²⁾; а за ними приходятъ старъ и младъ, богачъ и бѣдный, вельможа и простолудинъ,—они приносятъ дары свои и устами своими шепчутъ молитву: *Преподобне отче Сергіе моли Бога о насъ!* Но не всегда мнѣ пріятны дары ихъ: иногда они занятыя преступленіемъ, добыты лихоимствомъ или лѣнивымъ трудомъ, омочены слезами

¹⁾ Его Императорское Высочество, Московскій Генералъ-Губернаторъ, Великій Князь Сергій Александровичъ и Е. И. В. Великая Княгиня Елисавета Осодоровна изволили прибыть въ Троицко-Сергіеву Лавру вечеромъ 24 сентября и на другой день слушали литургію въ Троицкомъ лаврскомъ соборѣ.

²⁾ Наканунѣ и въ самый праздникъ богослуженіе у гроба преподобнаго совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Сергій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій и священно архимандритъ Лавры.

вдовъ и сиротъ. И суетна часто молитва ихъ. Они говорятъ мнѣ: *молися о насъ*, а сами не трудятся искренно молиться о самихъ себѣ; просятъ избавить ихъ отъ бѣдъ и напастей, отъ болѣзней и немощей, а сами продолжаютъ пребывать во грѣхахъ своихъ, оброцы которыхъ—смерть съ предшествующими ей болѣзнями и немощами (Іак. I, 14—15), ибо: *или же кто согрѣшаетъ, сими и мучится*“ (Прем. Солом. XI, 17); они умоляютъ меня *поминать стадо мое*, а сами убѣгаютъ изъ этого стада на распутии міра сего и тамъ блуждаютъ безъ пастыря; они желаютъ *мира мірови*, но сами не хотятъ помириться съ сосѣдомъ своимъ: „человѣкъ на человѣка сохраняетъ гнѣвъ, говоритъ Прем. сынъ Сираховъ, а отъ Господа ищетъ исцѣленія“ (Сирах. XXVIII, 3); просятъ *спасти ихъ души*, а сами какъ будто намѣренно отдаютъ ихъ на погибель. Они какъ будто думаютъ, что молитвы Церкви даны ей для того, чтобы она на собственныхъ рукахъ переносила грѣшника отъ земли въ царство небесное и водворяла тамъ, какъ заботливая мать несетъ до колыбели любимое дитя. Правда, Св. Церковь съ радостію дѣлаетъ это, предлагая грѣшнику всѣ средства къ нравственному обновленію,— по она желаетъ и цѣнить только добровольное стремленіе его къ достойному вступленію въ чергогъ Отца небснаго; поэтому она и заповѣдуетъ, чтобы христіанинъ *самъ* предварительно *очистилъ себя отъ скверны плоти и духа* (2 Кор. VII, 1) и приобрѣтъ дѣяніе брачное, ибо въ противномъ случаѣ онъ будетъ изверженъ во тьму кромѣшную“ (Мѣ. XXII).

Итакъ, братіе, вы видите, что пренедобный угодникъ Божій, принимая наши жертвы, наше поклоненіе и наши молитвы, въ тоже время ожидаетъ отъ насъ жертвы болѣе важной, дара болѣе цѣннаго, чѣмъ все упомянутое ранѣе. Какъ радуется добрый и чадолюбивый отецъ, когда видитъ сыновъ своихъ живущихъ по его наученію, такъ и сей пренедобный съ любовію взираетъ на духовныхъ дѣтей своихъ, которые хранятъ завѣты его, живутъ по уставу его, соблюдаютъ устройство его. Вотъ почему онъ вмѣстѣ съ Апостоломъ заповѣдуетъ намъ: „*подобни мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу*“ (1 Кор. IV, 16). Онъ хочетъ, чтобы мы шли по стопамъ его, какъ онъ самъ всю жизнь

свою шествовалъ по стопамъ Господа. Откройте теперь повѣсть житія его и вы увидите слѣдующее: въ юности своей онъ оставляетъ домъ родительскій, уходитъ отъ міра съ его удовольствіями, устрояетъ здѣсь убогую обитель и собираетъ вокругъ себя учениковъ, являясь для нихъ образомъ въ молитвѣ, въ бдѣніяхъ, постѣ, трудолюбіи, кротости, смиреніи, нестяжательности и прочихъ добродѣтеляхъ. Вы увидите, что онъ прошелъ общимъ путемъ скорбей и подвига крестнаго, прежде чѣмъ явился тѣмъ дивнымъ и благодатнымъ мужемъ, какимъ сдѣлался впоследствии. Поэтому пусть не говоритъ бѣдный, что онъ бѣденъ и потому не можетъ слѣдовать примѣру преподобнаго: пусть знаетъ онъ, что преподобный только съ посохомъ въ рукахъ пришелъ на мѣсто сіе и что состояніе бѣдности есть лучшая школа для воспитанія въ насъ вѣры во Всемогущаго Промыслителя вселенной и надежды на Его помощь, и что, напротивъ, *богатый неудобъ увидетъ въ царство Божіе* (Мѡ. XIX, 23). Впрочемъ, пусть не говоритъ и богатый, что богатство препятствуетъ ему упражняться въ добродѣтели: ибо не деньги заграждаютъ путь на небо, а наша привязанность къ нимъ. Изъ этой повѣсти некнижный человѣкъ узнаетъ, что и преподобный не книжнымъ наученіемъ сдѣлалъ себя мудрымъ въ очахъ Божіихъ и человѣческихъ; но послѣ сего и книжникъ пусть не ссылается на мудрость свою, какъ на препятствіе къ подвигамъ Сергіевымъ. Въ „день онъ“ Господь спроситъ его: видѣлъ-ли еси раба Моего Сергія и научился-ли отъ него? И когда онъ отвѣтитъ, что видѣлъ, но не пашелъ, чему бы научиться у некнижнаго старца, то скажетъ ему Господь: напрасно ты не научился отъ него страху Божію и исполненію воли Его (Сирах. I, 15—16—18); напрасно не научился молитвою воскрешать мертвыхъ, благословіемъ исцѣлять болѣзни, крестнымъ знаменіемъ прогонять бѣсовъ, чистотою души привлекать ангеловъ, свѣтлымъ умомъ прозрѣвать будущее и т. д. „Коль великъ и блаженъ мужъ, иже мудрость обрѣге и повѣдая въ уши послушающихъ, говоритъ древнее Писаніе,—но гѣсть паче боящагося Господа“, прибавлено тамъ (Сирах. XXV, 13).

Но ты молодъ, а онъ—старецъ, и потому ты не идишь за нимъ. Такъ, но слѣдуешь ли ты за этимъ старцемъ въ

юности своей, ибо и этотъ старецъ былъ юнъ? Если нѣтъ, то онъ будетъ судить тебя, ибо сказано, что „святые мірови имуть судити“.—Но ты мірянинъ и не можешь удалиться изъ міра въ пустыню.—Такъ, но вмѣсто этого ты можешь удалить отъ себя міръ, забыть его и остаться наединѣ съ Господомъ. Но ты семьянинъ и не можешь уйти въ монастырь.—Такъ, но ты можешь сдѣлать домъ твой обителью (Іоан. XIV, 23), ты можешь клѣтъ твою обратить въ церковь (Ме. VI, 6; 1 Петр. II, 5), ты можешь, наконецъ, сердце твое уготовать для обитанія Св. Духа (1 Кор. III, 16;—VI, 19), и это второе будетъ вполне равноцѣнно первому.

Сдѣлаемъ же всѣ, возлюбленные братіе, изъ заповѣданнаго отцемъ нашимъ кто что можетъ, и, взирая нынѣ на скончаніе жительства его, обратимся отъ заблужденій пути нашего, чтобы слѣдовать путемъ Сергіевымъ. Этимъ мы доставимъ ему величайшую радость, какую люди могутъ доставить небожителямъ, ибо сказалъ Господь: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. XV, 7—10). Это будетъ и самая пріятная жертва преподобному Сергію, которая преклонитъ очи его на молитву нашу и дастъ намъ надежду на предстательство его у Царя небеснаго; тогда мы съ чистою совѣстію принесемъ ему и прочіе дары свои, съ благоговѣніемъ поклонимся ему и съ сыновнимъ дерзновеніемъ воззовемъ: *Преподобне отче Сергіе моли Бога о насъ*. Аминь.

Іером. Иннокентій.
